

Добрая квадратура «Кавказского мелового круга»

Уехали артисты Грузинского Государственного академического театра им. Шота Руставели, подарив москвичам свою выстраданную доброту и темпераментный талант. Возвращаясь домой по пустующему Арбату под переборы гитарных струн наших уличных шансонье, я хотела только одного — чтобы мне хватило слов передать чарующее обаяние режиссуры Роберта Стуруа и его коллег с их остроумно-загадочной пластикой, вращающимся сценическим кругом, который, раскручиваясь, как бы выбрасывает на авансцену безупречно играющих актеров. Но главное — наивную и сильную веру Стуруа в торжество человеческой доброты.

Появление Рамаза Чхиквадзе было кульминацией в знаменитом «Кавказском меловом круге» Бертольда Брехта, который двадцать лет восхищал зрителей во многих странах мира и был восстановлен перед гастроллями в Москве.

И пусть мысли о противоборстве властей, которые не могут облегчить тяжелую участь народа, о «независимости» судебной власти и страшные слова Монаха («Война закончилась. Бойтесь мира, люди!») вызывают явные и слишком очевидные ассоциации с нынешним временем. Главная сила этого многолетнего спектакля в другом. Суметь пожертвовать собой ради спасения другого, суметь полюбить совсем чужого, из «вражеского» лагеря. Суметь увидеть сущность вещей, то, что «не видно глазами» — вот что просит у нас Стуруа, заключая свою просьбу и брехтовское пьесу в красочное музыкальное действие с «бедными» декорациями и богатой фантазией. «Добрый человек из Сичу-



ани» (тоже по Брехту) оказался более многоплановым и потому вызывал больше раздумий, нежели восторгов. Доброта — непосильная ноша для человека, по крайней мере в нашей Вселенной. Как сложно оставаться просто добрым, если в твоей жизни появилась ответственность за другого. Выбор между людьми — самый страшный выбор, но человек обречен на него. И потому доброй Шен Те приходится творить и зло, превращаясь в свою противоположность — злого Шуй Та. И боги оправдывают ее, прося только, чтобы зло совершалось как можно реже.

В роли Шен Те — Шуй Та царила Нино Касрадзе, красота которой была помножена на мастерство мгновенного перевоплощения. Маска, фрак не по размеру — и Шен Те с робкой грациозной пластикой превращалась в маленького злобного уродца с угловатыми безжалостными выпадами.

В «Добром человеке» использована музыка из «Кав-

казского мелового круга», «Ричарда III», «Роли для начинающей актрисы», что делает этот спектакль своеобразной малой энциклопедией Театра им. Руставели. Впрочем, музыка царила не только в мелодиях, но и в пластическом решении, и во многих сквозных образах.

«Рождественский сон» поставлен уже коллегами Стуруа — Отаром Эгвадзе и Леваном Цуладзе.

Мудрая доброта спектакля заволакивала. Утонченное обаяние всего того, что называется доброй старой Англией, сочеталось с горячим грузинским темпераментом, а зрелищная театральность — с подкуплющей искренностью.

В актерском ансамбле, слаженным и стройным, как грузинское пение в капелла, безусловно, выделялись несколько первоклассных исполнителей. В игре Карло Саканделидзе (старый скряга Томас Скрудж, преобразенный в чудесном рождественском сне) звучали почти чаплин-

ские нотки, когда он, растроганный и смущенный, наблюдал за тенью своего прошлого, и даже вспышки его скупого гнева были подкупающе человечны. В отточенной пластике Мурмана Джинория (дух компаньона Скруджа Марли, который восстал из гроба и, гремя цепями своих грехов, пришел к Скруджу, чтобы наставить его на путь истинный) сквозил добрый юмор просвечивало порой что-то демоническое. Огромное наслаждение дарила игра Наны Шония и Лелы Алибегашвили (Мэри и Добрый Дух нынешних святых Лилиен).

Простота «Рождественского сна» глубоко выстрадана. «Да отстаньте вы наконец от Бога, не мешайте на него своим проблемами», — в сердцах восклицает Дух святок. В этой жизни мы многого не успеваем сделать, за что потом приходится расплачиваться. Но одно можно успеть всегда: стать человеком. Скрудж не успевает спасти маленького Майкла и у всех,

перед кем был виноват, попросить прощения. Но он возрождается и, выбрасывая ненавидимые теперь деньги, поднимается (возносится) по хрупкой вертящейся лестнице к Духу святых Лилиен, которую он полюбил. Смысла нет в этих бумажках, веером разлетающихся по всей сцене, как нет его вообще во всей нашей суете. Мертвых уже не вернуть, не спасти, не проститься. Смысл остался только в безумном порыве старого скряги Скруджа, который чудом преобразования стал добрым человеком. Смысл остался только в бессмысленной, необъяснимой, нелогичной человеческой доброте, которую дарил нам каждый спектакль грузинских гостей.

Ольга ФУКС.

На снимках: Т. Долидзе в роли Груше Вачагадзе. Т. Долидзе и К. Касрадзе в спектакле «Кавказский меловый круг».

Фото

Игоря ИВАНДИКОВА.

